

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек.

Речь, произнесенная священником Иоанном Бреком, профессором Свято-Сергиевского Богословского института, на встрече участников молодежного движения *Nepsis* при Архиепископии Румынского Патриархата в Западной Европе 21 апреля 2001 года. Опубликовано в: *Mensuel Service Orthodoxe de Presse (SOP). Supplement №250, juillet-aout 2002.*
Христианская традиция чтения и понимания [1] Ветхого Завета дорога для меня. Она имеет безграничное значение для нас, поскольку мы остро ощущаем, что в течение многих лет, если не веков, будучи православными, мы так или иначе пренебрегали чтением книг Священного Писания и, в частности, книг Ветхого Завета.

Я думаю, что начать следует с главного утверждения: речь идет о том убеждении, которое ставит нас в определенную связь с великой церковной традицией, представленной как Отцами Церкви, так и святыми писателями книг Нового Завета. Это убеждение сводится для нас к пониманию Ветхого Завета в соответствии с апостолом Павлом (ср. 2Кор.), а именно – как совокупности книг глубоко и по существу христианских.
Очевидно, что утверждая это, мы впадаем в опасность задеть наших иудейских братьев и сестер, чего я бы вовсе не хотел. Для иудеев, и в особенности иудеев ортодоксального склада, наш Ветхий Завет, еврейская Библия, означает Тору, Закон Божий, истину, правило, иначе говоря, руководство и прочную основу всего, что имеет отношение к вере, пути, ведущему к Богу, к вечному единству с Богом и в Боге

Тем не менее, будучи христианами, мы обязаны уметь видеть вещь с разных сторон, я бы даже сказал, с принципиально разных сторон. Совокупность доказательств Церкви, основанных на религиозном опыте авторов Нового Завета, а также на всей святоотеческой традиции, заключалась в том, что мы называем Ветхим Заветом, приготавливающим Новый Завет и понимаемым лишь в свете Нового Завета. Я попытаюсь объяснить то, что хочу этим сказать.

Прикасаясь к Священному Писанию, необходимо прежде всего помнить, что для святых писателей Нового Завета Священное Писание состояло из книг нашего Ветхого Завета. Например, Иисус говорит к иудеям: Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне (Ин.5:39). Разумеется, говоря о Писаниях, Он указывает на то, что мы называем еврейской Библией, Ветхим Заветом. Дело обстоит так в течение первых лет, первых поколений, даже более того, первых веков церковной жизни, поскольку новозаветный канон формировался очень медленно. Так было в Сирии и других местностях вплоть до V века. Так что было необходимо, чтобы был установлен новозаветный канон из двадцати семи книг. До этих пор для древних христиан само выражение "Писания" обозначало, как правило, наш Ветхий Завет, хотя само определение могло порой употребляться в том числе для обозначения посланий апостола Павла и других апостольских творений. Однако каков же был образ восприятия, постижения таинства, проникновения и затем проповедания того, чем являлось для них Священное Писание и в равной мере еврейская Библия?

Вы, вероятно, имеете представление о тех спорах, которые имели место в начале III-VI веков среди восточных Церквей, в частности, между Александрией и Антиохией. Это можно было бы обрисовать таким образом: к концу II века под воздействием определенного направления, появившегося за век до пришествия Иисуса Христа и получившего свое развитие в особенности у Филона Александрийского, распространилось течение, связанное с методом толкования Священного Писания, получившим название аллегорического, который, как казалось, имел преимущество в исследовании подлинного значения, подлинного смысла какого-либо библейского текста, за которым стояло непосредственное историческое свидетельство.

История: встреча неба и земли

Исторический вопрос оказывается весьма не простым, поскольку в то время понимание истории достаточно сильно отличалось от нашего. То, что мы называем историей или действительным событием, на самом деле заимствовано из представлений, возникших в XIX веке. Перед святыми же Отцами, будь то Отцы александрийцы или те, что принадлежали к традиции антиохийской, появившейся несколько позже, в качестве определенной реакции против первой, история представляла как встреча земли и неба, встреча видимого и

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org невидимого. Для этих двух школ исследование истории имело гораздо более широкое значение, чем то, что мы обычно подразумеваем под историей, историческим или историко-критическим исследованием, каковое, я на этом настаиваю, отражает особенность сознания, сформировавшегося не раньше XIX века.

Пожалуй, следовало бы упорядочить вопросы терминологии и последовательности исторического развития событий. Это весьма сложная задача, но я считаю, что мы можем тем не менее говорить, что обе школы были представлены святыми Отцами, которые искали за историческими событиями то, что называется словом ??????, что означает видение, навеянное Святым Духом, сообщающее нам Откровение и Божественную истину.

Каковы бы ни были пути типологии (Антиохия) или аллегории (Александрия), цель толкования этих двух традиций всегда заключалась в том, чтобы посредством истории опередить саму историю, чтобы достичь знания, мудрости, постижения, участия, подлинного общения с небесной реальностью, реальностью Царствия Божия.

Эти две традиции обычно характеризуются следующим образом. В Александрии ученые мужи, которые подобно Дидиму Слепцу, Оригену, Клименту Александрийскому вплоть до святителя Кирилла Александрийского в V веке были одновременно исследователями, изъяснителями, толкователями, проповедниками Священного Писания, имели склонность находить в нем двойной смысл, одновременно исторический и трансцендентный, исторический и духовный. Различие между этими двумя значениями было достаточно важным, поскольку аллегореза была склонна отрываться от истории и переносить основной акцент на смысл библейского послания, который оно имеет для нас, в настоящее время, на уровень нашей нравственной, духовной и даже мистической жизни.

Антиохийские Отцы III-IV веков вставляли в этом отношении порой в достаточно жесткую оппозицию (в особенности это характерно для Феодора Мопсуэстийского), чтобы средствами типологии вместить всю полноту истины в сами исторические события. Диодор Тарсийский, один из главных представителей этой антиохийской традиции, настаивал на том, что событие прошлого, например из Ветхого Завета, хотя имеет двойной смысл, одновременно исторический и духовный, однако оба значения совпадают в собственно историческом событии.

Укоренение трансцендентной реальности в истории

В отличие от аллегорезы, направления сугубо платонического, которое, как казалось, разрушало средостение между историей и горним миром, антиохийская школа преследовала цель укоренить трансцендентную реальность, истину, открытую через Святого Духа в истории Израиля, в лоно церковной жизни, в историю.

Откуда эта укорененность в истории? – Дело в том, что мы суть существа "исторические"; к тому же было необходимо, чтобы Спаситель вошел в полноту нашего исторического опыта, в нашу повседневную действительность, как до того было необходимо, чтобы приготовление, ведущее к Воплощению, к полноте Откровения в Присутствии Эммануила, Бога, Сущего с нами в Лице Иисуса из Назарета, – чтобы все это было столь же глубоко и действительно укоренено в рамках человеческой истории, во времени и пространстве.

Должно признать, что достаточно легко склониться к доведению этих двух позиций до крайности. Один студент Свято-Владимирского института провел весьма интересное исследование в этой области, в частности для того, чтобы показать, что имела место тенденция к противопоставлению аллегорического метода в его достаточно радикальной форме методу, получившему название типологии. Тем не менее в настоящий момент, рискуя упростить подлинное положение дел, мы останемся в рамках этих двух школ: аллегорезирующей с одной стороны и основанной на типологии с другой.

Движение к вечному единству с Богом

Что есть типология? Изначально типология предполагает, что исторические события устроены Богом для того, чтобы составить некую историю спасения, движение помимо времени и пространства, которое ведет к вечному общению с Богом. Типология открывает нам Божественную икономию, деятельность Бога ко спасению мира.

В типологии следует доискиваться двойной перспективы, одновременно вертикальной и горизонтальной. Во-первых, в том, что касается горизонтального измерения, когда дело идет о типологии, мы говорим о типосе, или фигуре. ????? - слово, которое использует апостол Павел, чтобы говорить о первом Адаме. '?????????' завершает его, или исполняет.

В данном случае в Рим.5 Христос назван новым Адамом: Адам есть типос, антитипосом которого является Иисус Христос. Типологическое рассмотрение обнаруживает в совокупности текстов связи между Ветхим и Новым Заветами.

Чтобы заключить одним кратким определением, типос есть некий пророческий образ, относящийся к будущей реальности, являющейся его свершением. Лучше всего это объяснить на нескольких примерах.

Помимо типологии между Адамом и Христом, новым, или последним Адамом, принадлежащей апостолу Павлу, существует пример ветхозаветного образа Моисея. Моисей восходит на гору Синай, предстает в безмолвии перед Богом и обретает в Богоявлении скрижали закона, десять заповедей, которые образуют основу Торы, закона иудейского. Моисей спускается и передает в руки народа Израилева откровение в виде закона, который определяет не только какую-то норму поведения, но и вообще смысл существования иудеев между собой и с Богом.

Апостол Матфей, быть может, более, чем другие авторы Нового Завета, являет нам образ Христа, каковой есть антитипос образа Моисея, типоса подателя закона, Христос в начале Мф.5 восходит на другую гору, в Палестине. Он не воспринимает закона от Своего Отца, он Сам есть Закон, новый закон любви. Он начинает возвещать этот закон в форме заповедей блаженств и в особенности того, что за ними следует. Это Нагорная проповедь, Мф.5,6 и 7. Моисей - это типос, антитипосом которого является Христос. Моисей есть пророческий образ, постоянно обращенный в будущее, в область эсхатологии, во исполнение замысла Божия о спасении мира, - замысла законченного, нашедшего свое исполнение в Лице и деянии Иисуса Христа.

Существует множество других образов, устанавливающих связь между Ветхим и Новым Заветами. Они предоставляют нам много прекрасных поводов к тому, чтобы прикоснуться к Ветхому Завету и уверенно толковать его как произведение (или как некий свод), по существу своему христианское.

Образ страждущего Раба

Образ страждущего Раба несколько иной. В книге пророка Исаии, в главах с 42-й по 53-ю, помещены четыре песни раба. В первых песнях, первых поэмах, которые предлагает нам пророк Исаия, кажется, что страждущий Раб есть не что иное как олицетворение Израиля. Однако в четвертой (Ис.52:13-53:12), мы обнаруживаем образ некой личности, глубоко отличной от Израиля: Он будет отвержен своим собственным народом, подвергнут мучениям, унижен до самой крайней степени. (Некоторые толкователи даже вычитывают здесь между строк, что Он будет казнен). Он возьмет на себя грех мира, грех народа Божиего, и именно через Его страдание мы получим выздоровление.

Этот страждущий Раб Исаии (даже без ведома самого пророка) есть не только образ, наполненный мессианским значением, как, например, образ царя, которому надлежит воцариться в какую-то позднюю эпоху. Этот страждущий Раб, согласно христианскому новозаветному пониманию, есть Сам Христос, который будет отвергнут Своим собственным народом и отдан на смерть, чтобы исполнить изначальное призвание Израиля, заключающееся в свидетельстве о спасении всего мира.

Мы можем вспомнить и ветхозаветный храм иудеев, получивший свое исполнение в Лице Иисуса, который есть истинный храм, как Он говорит у апостола Иоанна: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его (Ин.2:19). Его ученики сами не поняли, что Он говорил, поскольку Он говорил о храме тела Своего (Ин.2:21). И в самом деле после распятия, погребения, а также воскресения, этот новый храм будет возведен и обетование исполнено. Храм есть типос, а Тело Христа, подвергшееся разрушению и воскресшее, становится исполнением всего того, что символизирует храм Ветхого Завета.

То же значение сосредоточено в образе, который вызывает в памяти евангелист Иоанн (3:14), когда Иисус упоминает медного змия. После одного сражения с

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org
врагами Моисей возносит знак в пустыне, прообраз святого Креста, на котором он воздвигает медного змия. Как нам объясняет евангелист Иоанн, он прообразует Христа, который Сам будет вознесен на Крест с распростертыми руками, дабы обнять весь мир и увлечь всех верующих за Собой, – через смерть вплоть до воскресения мертвых.

Устремленность, ведущая нас к будущему Царству

В горизонтальной плоскости существует множество образов, ведущих от прошлого к настоящему, от Ветхого Завета к Новому. Отметим, что Сам Иисус обращался порой к типологии, чтобы с ее помощью выявить отношения, связующие прошедшее с настоящим. Однако это горизонтальное измерение исполняется через измерение иного рода, через другую направленность, характеризующую типологическое исследование; это – вертикальное направление от исторического типа к тому, что можно назвать трансцендентным архетипом.

Вот несколько кратких примеров. Иудейская Пасха осуществляется здесь, на земле, тогда как христианская Пасха, празднуемая каждый год в наших церквях, есть не что иное как типический, или типологический образ пасхальной полноты, осуществляемой Христом на небе, – образ, который, однако, окончательно будет исполнен в последний день, после всеобщего воскресения.

То же значение усматривается во взаимосвязи Церкви земной и Церкви небесной, между нашим предстоянием у алтарей здесь, на земле, и подлинной Евхаристией, совершаемой день и ночь перед Богом в славе Царствия небесного там, где Христос как Великий Первосвященник входит в небесный алтарь и молитвенно предстоит перед Отцом, чтобы служить Ему как за Себя, так и за нас.

Здесь мы вновь обнаруживаем ту двойную горизонтальную и вертикальную направленность, которая всегда основывается на исторических событиях, идет ли речь о событиях Ветхого Завета или о событиях, о которых повествуется в Новом.

Подлинный смысл Священного Писания

Типология при этом часто рассматривается как смысл Священного Писания. Это ошибка, поскольку не существует типологического смысла, равно как не существует и аллегорического смысла. Типология и аллегория суть методы работы. Это тропы, которыми следуют толкователи для того, чтобы обнаружить смыслы, многочисленные значения Священного Писания.

Каковы эти различные смыслы Священного Писания? Их выявлялось много, в особенности в западном мире в Средние века. Но, как мне кажется, существует два основных. С одной стороны – это тот смысл, который мы бы могли назвать "историко-литературным". С другой стороны – *sensus plenior*, высший смысл или, лучше сказать, смысл духовный.

История, относящаяся не только к нам, но в особенности к Богу

Даже в наши дни, пользуясь типологией, мы пытаемся укоренить ее глубоко в истории, и причем не столько нашей, сколько Божией. В сердцевине типологии существует некий импульс к развертыванию от обетования к его исполнению.

Это отчасти объявляется в начале Евангелия от Матфея. Например, в 2:5-6 царь Ирод стремится узнать, где должен родиться Мессия.

Волхвы ему отвечают: В Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка: и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных; ибо из тебя произойдет Вождь, который упасет народ Мой, Израиля. Здесь налицо весьма интересное сочетание в одном тексте двух ветхозаветных фрагментов, – из пророка Михея (5:2) и 2Цар.5:2, что указывает на Вифлеем, город рождения Христа, как уже упомянутый среди пророчеств Ветхого Завета.

Тем же путем следует апостол Матфей несколько далее, в стихе 15 той же второй главы, где он упоминает о бегстве в Египет. Если Христос со Своей Матерью и тем, кого принимали за Его отца, Иосифом, исходит в Египет, то делается это для того, чтобы они могли выйти оттуда во исполнение пророчества: из Египта воззвал Я Сына Моего. Речь идет об одном

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org
высказывании, которое мы находим у пророка Осии в начале 11-й главы.
Согласно новозаветной мысли, Иисус есть свершение всего Израиля: именно Он
есть подлинный Израиль.

Наконец, третий и последний пример, также извлеченный из Евангелия от
Матфея (Мф.2:18), где речь идет об убийстве младенцев. Это зрелище
ужасающее, холодящее, которое вызывает великое смущение в сердцах и душах
наших верующих. Почему в самом деле это повествование помещено здесь, в
самом начале Евангелия, которое должно быть провозглашением радости,
празднованием победы? – Для того, чтобы показать, что пророчество Иеремии
(31:15), касающееся жертвоприношения детей Израиля, обретает свое
исполнение после Рождества Иисуса Христа: Рахиль плачет о детях своих и не
хочет утешиться, ибо их нет.

Смысл одновременно исторический и духовный

Все эти образы воспроизводятся у евангелиста Матфея и предоставляют нам
основной набор типологических связей. На этом основании мы можем войти в
совокупное свидетельство Ветхого Завета в свете жизни Христа, в свете
послания Христа. Эти связи выражают то, что ветхозаветное обетование
исполняется и осуществляется в совершенстве в Новом Завете благодаря деянию
Иисуса Христа, воплощенного Сына Божия.

Прежде чем продолжить, я напомним, что аллегория и типология есть призыв к
поиску теории, иными словами – ведения откровения Божия, вдохновенного
Святым Духом, в которое все мы призваны вступить. Каждый из нас на самом
деле ответствен за понимание Библии, Ветхого и Нового Заветов, чтобы
проповедовать его как внутри церковной ограды, нашим детям, так и
неверующему ближнему.

Каковы бы ни были обстоятельства, рано или поздно каждый из нас будет
призван стать проповедником, что предполагает, собственно говоря, нашу
собственную активность в роли экзегета. Все мы призваны вступить в то
состояние, что влечет нас к теории, к постижению Божественной истины,
Откровения Божия. Дабы исполнить это, нам предстоит последовать той же
дорогой, которой прошли наши Отцы, чтобы обнаружить в тексте Библии и в
особенности в Ветхом Завете смысл одновременно как исторический, так и
духовный.

Однако, как я уже упоминал, некоторые александрийские экзегеты, предпочитая
аллегорический метод, отрывались от истории. Ориген имел к этому
склонность, находясь под значительным влиянием экзегетической среды,
которая уже сформировалась за много поколений в его родной Александрии. Я
бы осмелился сказать, что Ориген есть гений и святой, несмотря на осуждение
некоторых его текстов на V Вселенском соборе, поскольку на самом деле
осуждены были скорее его ученики. Тем не менее ему в особенности ставят в
упрек склонность отказывать в подлинности историческому событию, как это
делал прежде него великий экзегет, философ и иудейский богослов Филон.

Как многие александрийцы, Ориген был весьма смущен различными изречениями,
рассыпанными по тексту Ветхого Завета, которые, на его взгляд, были
недостойны Бога: это, например, призыв убивать врага, призыв, обращенный к
Израилю, вступить в землю обетования и предать смерти не только скот, но
также и мужчин, женщин и детей, единственно с целью очищения.

Возрастающее откровение

Откровение существует в некотором развитии. Ориген вполне сознавал это,
считая, что в том, что обозначается, когда рассматриваются события,
действующие лица и установления, упомянутые в Ветхом Завете, всегда
наличествует некий скрытый духовный смысл, и при этом вовсе нет
необходимости вникать в смысл буквальный или исторический, которого Ориген
не мог принять, поскольку не знал, как быть с этими местами, создающими
своего рода "скандал", камень преткновения на пути, ведущем к подлинному
единству с Богом любви.

Ориген имел склонность искать за событиями, за словами Ветхого Завета
некий скрытый от него смысл, будь то мистический, христологический или
моральный, чтобы выявить то, что из этого следует для нашей нравственной
жизни, в нашем предстоянии перед Богом и в наших отношениях с ближними.

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org
Тем не менее, хотя аллегория и типология образуют два явных способа, существенно отличных друг от друга, эти способы становятся взаимодополнительными, как это признала целостная святоотеческая традиция и как это признают сегодня некоторые экзегеты и специалисты-филологи. Один способ от другого того неотделим. Типология нуждается в дополнении аллегорическим толкованием. Таков на самом деле сам смысл притч Иисуса – ведь без аллегории эти притчи не имеют смысла, тогда они не более чем примитивные повествования, лишённые нравственного смысла и значения. Но если мы читаем их в аллегорическом контексте, тогда посредством именно такого способа прочтения обнаруживается истина.

Есть другой аспект, касающийся в особенности типологического способа, который я бы хотел подчеркнуть. Он гораздо более труден для понимания и определения, тем не менее я бы хотел его изложить.

Постижение бытия Бога за историческим событием

В типологии в особенности явственно развитие от прошедшего к настоящему, от ветхозаветного типа к его исполнению, осуществлению в лице Христа, в Церкви, иными словами – в новозаветном видении. Мы уже отмечали у экзегетов, подобных Диодору Тарсийскому в первую очередь и другим представителям антиохийской школы, особенное восприятие того горизонтального развития, которое как у новозаветных авторов, так и у мужей апостольских и других святых Отцов поражает тем, что типологическое развитие есть не только односторонняя направленность, от прошлого к настоящему. Напротив, Отцы Церкви, как и авторы Нового Завета, различали эсхатологическое свершение еще там, где был только типос. Иначе говоря, сам типос содержал в себе свое исполнение.

Я полагаю, что самый простой способ описания этого понимания – это обращение к Посланию к Коринфянам (1Кор.10:4), где апостол Павел привлекает образ скалы, из которой Бог иссек воду, чтобы утолить жажду израильтян при пересечении пустыни. Манна небесная, а затем вода, бьющая из скалы, дали израильтянам возможность совершить их путь в землю Обетования. В Ветхом Завете, во всяком случае согласно раввинскому мидрашу [3], в эпоху, предшествовавшую жизни апостола Павла, эта скала толкуется без сомнения весьма наивно, но очень выразительно: эта скала якобы содействовала израильтянам в пустыне, чтобы живительная вода была им всегда доступна. Апостол Павел в 1Кор.10:4 упоминает скалу и израильтян, делая совершенно неожиданное утверждение: камень же был Христос! Эта скала была ничем иным, как простым камнем, тем не менее, вопреки всякой очевидности, святой апостол Павел воспринимает ее как образ не только настоящего, реального, исторического, материального предмета, но и присутствия Бога.

В Ветхом Завете явления Бога не есть, как мы это обычно понимаем, явления Бога-Отца. Это всегда явления Бога-Сына, Второго Лица, Второй Ипостаси Пресвятой Троицы.

Апостол Павел продолжает Ветхий Завет. Он воспринимает в нем в скале, в храме, равно как и в других образах, полноту личностного присутствия не Иисуса из Назарета, но Превечного Сына Божия, который еще прежде Своего воплощения, Своего пришествия во плоти пребывал среди Своего народа, чтобы его направлять, питать, поддерживать и сопровождать вплоть до врат Царства.

Символическое видение сил зла

Теперь я бы хотел сказать несколько слов о некоторых аспектах чтения Ветхого Завета, которые составляют трудности для многих наших верующих.

Псалмы с самого начала стали тем песнопением, той песнью Церкви, тем преимущественным способом, посредством которого мы воздаем хвалу Богу.

Но что сказать о тех псалмах, которые обрушивают проклятия на врагов? Когда мы читаем окончание одного из самых прекрасных песнопений Поста На реках Вавилонских (Псалом 136), то как мы, находясь в православной традиции, воспринимаем этот ужасающий образ, когда берут младенцев и разбивают головы о камень? Это отсылает нас к тому образу Бога, который во время египетских казней посылает Своего ангела губителя, дабы истребить первенцев Египта... Как это сочетать с нашей молитвой или с нашим размышлением о Боге? Единственный возможный способ – тот, что был принят Отцами Церкви: воспринимать это не как устрашение, но как подлинную реальность, истинное

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org
откровение; осознать, что для православного понимания псалмы, говорящие о врагах, имеют в виду в первую очередь не личности, не человеческие существа: враг Израиля и все, что его олицетворяет, есть не что иное, как символ.

В данном случае усматривается тот тип чтения, который можно было бы назвать аллегорическим. Так, за образом врага и даже за образом тех несчастных детей, головы которых разбиваются о камень, подразумевается демон и силы зла. Здесь различается присутствие вождя другого мира, сатаны, искусителя, того, кто всегда стремится ввести нас в искушение. Именно потому в молитве к Отцу мы просим у Бога: Не введи нас во искушение, ибо мы не в состоянии выдержать его натиска, не можем устоять против искушения своими собственными силами, враг слишком силен. Монахи, Отцы Церкви, все те верующие, кто действительно воспринял полноту праздничного ликования, которое выражено в поэзии псалмов, это прекрасно знают.

Если мы в свою очередь призваны Церковью к продолжению тех же песнопений и к их пониманию таким же образом, то это для того, чтобы миновать только буквальный, исторический смысл и прийти к видению бесконечно более глубокому, бесконечно более действительно для каждого из нас. Этот псалом говорит о битве народа Божиего, иными словами – о битве Церкви. Таким образом представлена неисчерпаемая церковная традиция прочтения Псалмов.

Бог присутствует даже в безднах шеола

Существует также основополагающе важное чтение и понимание Священного текста, обращенное к самому себе, к тому, где я обретаюсь в моей жизни сегодня, в моем опыте, с моими ошибками, немощами и с моим грехом. В этом смысле я часто думаю о 138 псалме, где псалмопевец восклицает: Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты (Пс.138:7-8). Буквально: "если я сотворю ложе себе в шеоле, Ты окажешься там". Этот псалом говорит о том, что когда мы отчаиваемся во мраке, в унижении, тоске, среди страданий или от физической болезни, или из-за утраты дорогого нам существа, – в такие моменты мы постигаем себе ложе в преисподней, в безднах шеола, в месте смерти. Однако войдя в мысль и сердце псалмопевца, мы можем быть уверены, что Бог присутствует и там.

Об этом напоминает наша пасхальная иконография. На востоке у нас нет изображения Христа, победоносно выходящего из гроба, поскольку та глубокая интуиция греческих Отцов в том, что касалось пасхальной победы, исходила из представления о сошествии в преисподнюю, в нашу собственную бездну, в темную часть нашей души: как следствие, Христос сходит в эту черную бездну, которая означает шеол, место смерти, протягивая руки Адаму и Еве, Иоанну Крестителю, Соломону, Давиду, всем праведникам Ветхого Завета, чтобы их принять, обнять и соделать соучастниками своей победы.

Таким образом псалмы служат Церкви в качестве некоего аллегорического текста, чтения церковного и в то же время чтения глубоко жизненного.

Мимоходом следует отметить, что Православная Церковь имеет Библейский канон в значительно более широком составе, чем тот, что принят другими христианскими Церквями, в особенности протестантскими. Во время наших богослужений мы довольно часто читаем отрывки из книг, относящихся к числу так называемых второканонических [4], например – из Премудрости Соломона и из книги Иисуса, сына Сирахова, в частности, читаемых во время Богородичных праздников, когда смысловое ударение ставится на образе Премудрости, вместилищем которой станет Пресвятая Дева.

Упомянем в этой связи наши великопостные чтения. В течение Великого поста во время будничных служб нет Евангельских чтений за исключением великих праздников, таких, как Благовещение, празднуемых, как правило, приблизительно в середине Поста. Если мы оставляем в стороне Евангельское чтение вплоть до воскресения, то это потому, что следуем тем путем, который воспроизводит путь Израиля через пустыню. Сообразно с этим Церковь предоставляет нам возможность вступить в таинство опыта Израиля через чтение трех главных книг: первой – книги Бытия, второй, исполненной мудрости – книги Притч и третьей, пророческой, – пророчества Исаии. Все это служит нам в качестве мессианской типологии, которая, как мы помним, получит свое исполнение в лице Христа.

Упомянем в конце три последних момента.

Необходимо настаивать на том, что по основам православного учения всякое чтение и понимание Ветхого Завета по своему существу христоцентрично. То, что мы посредством аллегории обнаруживаем "за" повествованием о жизненных обстоятельствах Израиля в течение всего времени существования этого народа, – это Личность Христа.

Таким образом всякое библейское чтение приоткрывает нам Лицо Христа. Кроме того, очень важно настаивать на том, что для нас всякое исследование должно обладать историко-критическим измерением. Многие православные так же, как и многие католики, начиная с середины XIX века и заканчивая серединой XX века впадали в неминуемость, если не трепетали от страха, всякий раз, когда им напоминали об историко-критическом исследовании, объяснении или толковании, как если бы речь шла о критике Самого Слова Божия [5]. Мы же напомним, что речь идет вовсе не о критике в обиходном значении этого слова. Критика исходно обозначает суждение, мнение; таким образом это не есть попытка подвергнуть суду Бога или даже Слово Божие, но попытка исследовать наше собственное мнение, понимание, проникнуть, используя средства современных наук – истории, археологии, филологии и других, – во все более полное знание реалий, в которых жили Христос, евреи и Апостолы, или же условий, в которых возникла первоначальная Церковь, и так далее.

Церковное чтение и понимание псалмов

Для нас во всем корпусе как Ветхого, так и Нового Завета кроется неисчерпаемое богатство церковного чтения и понимания псалмов. Однако в них следует особенно доискиваться духовного смысла, иными словами, того послания, которое Бог ищет нам сообщить в нашей настоящей жизни посредством Библейского текста. Это духовное чтение и понимание, основанное на историко-критическом изучении, направляет нас к постижению того, что в латинской традиции выразительно называется *sensus plenior* (наиболее полный смысл) послания, которое Бог обращает к современной Церкви.

Это приводит нас наконец уже к несколько иному виду чтения и понимания, обнаруживаемому на путях, лежащих выше естества, которое католики называют *lectio divina*, или духовное (букв. "божественное") чтение.

Усвоение Благовестия

Речь идет не об обычном чтении, но скорее о некоем умном созерцании, которое перетекает в истинное созерцание Лица Бога, помимо Боговдохновенного слова, каковым является Библия. Латинская терминология различает три ступени, которые вплетены одна в другую: *lectio*, *meditation*, *contemplation* "чтение, размышление, созерцание".

Все начинается с простого чтения, как мы можем его осуществлять. Затем, как в монастырях, так и среди мирян, повторное чтение воспроизводит то или иное слово, тот или иной библейский образ. Дух сосредотачивается на этом образе или этом слове, чтобы его усвоить, чтобы носить его в себе в течение всего дня. С утра до вечера этот образ пребывает в духе, чтобы его напитать почти как в случае с молитвой Иисусовой, час за часом, в течении всего дня, проникая все существо.

В исключительных случаях святые Церкви или порой люди великого смирения и глубины могут подняться на другой уровень близости к Богу и восприятия Божиего Благовестия. Этот уровень именуется умным созерцанием. Тогда водворяется тишина, тишина предстояния перед Богом, перед тайной Его присутствия, перед благодатью Его Откровения, которое сообщается нам непосредственно через Его слово. Я подозреваю, что в Церкви подобный опыт чрезвычайно редок и, если я могу вам о нем поведать, то лишь благодаря тому, что я о нем читал, ибо не могу претендовать на его переживание.

За этой ступенью, как известно, находится та степень усвоения слова, которая позволяет нам войти в присутствие Бога, в тишине, в некоем остром одиночестве, глубоко отмеченном тем не менее церковной полнотой, общением святых, живых и умерших, всех тех, кто нас незримо окружает в течение всей нашей жизни.

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org
Посредством Его слова и благодаря тому, что у других называется
руководством слова, усвоением слова ради того, чтобы напитаться от него,
мы проникаем в тайну присутствия Бога. Мы можем вступить в общение с Богом
в некоем постижении Бога, даже прикосновении ко внутренней жизни Бога,
Который, как сказал пророк Исаия, позволяет нам совершать свой путь из
мрака к великому свету, свету блистающему, свету Христа, Пребывающего в
Царствии Небесном. Иисус ищет только одного, как сотворил Он это на Кресте,
широко распростерши руки, – как Слово, как Спаситель, как Превечный Сын,
как Тот, Кто возлюбил нас более, чем мы могли надеяться, чтобы нас обнять и
сделать соучастниками в полноте Его славы.

Перевод с французского П. Михайлова

Примечания

1. Здесь и далее мы предпочитаем так переводить авторское понятие *lecture*, включающее в себя не только прочтение текста, но и весьма детальное его понимание с возрастающей степенью осмысленности. – Пер.
2. Деления на подзаголовки сделаны редакцией SOP. – Пер.
3. Мидраш – методика толкования священного текста, употреблявшаяся древними раввинами. – Пер.
4. В библеистике принято название девтероканонические книги, происходящее от греческого именованя "второго канона". См. об этом также: Аверинцев С. Премудрость в Ветхом Завете // Альфа и Омега. 1994. №1. С.37. – Ред.
5. См. об этом Карташев А.В. Ветхозаветная библейская критика // Альфа и Омега. 2001. №4(30) (с редакционным предисловием); 2002. №1(31). – Ред.

Чтение Священного Писания по учению Святых Отцов

Название, которое я избрал для этих заметок, – чтение Священного Писания по учению Святых Отцов, – заимствовано из работы, которую издал и снабдил предисловием весьма известный специалист в области изучения Священного Писания, отец А.-Г.Гамман. Вот уже два года, как я получил от него экземпляр этой книги со следующим посвящением: "профессору Иоанну Бреку исследование по вопросу, который столь редко выносятся на обсуждение. С уважением. А.-Г.Гамман".

То, о чем я намерен здесь сообщить, суть по большей части выводы из некоторых наблюдений над святоотеческой герменевтикой, к которым я пришел со своими студентами за последние годы преподавательской деятельности. Кроме того, это есть также попытка все-таки "вынести на обсуждение" значимый вопрос о святоотеческой экзегезе. Как справедливо отмечал отец Гамман, эта область остается по большей части вне поля зрения исследователей. Вклад, который он внес, в частности, в результате сотрудничества с Обществом Ж.-П. Миня, а также участия в издательской серии святоотеческих творений под названием "Святые Отцы в вере", неизмерим. Мое же участие ограничится весьма скромным взносом в изучение вопроса, который только начинают оценивать по достоинству в Соединенных Штатах и за пределами Франции. Я исполнен признательности и чувства благодарности отцу Гамману за то драгоценное наследие, которое он нам оставил.

Прежде чем начать размышление о подходах к пониманию Библии у святых Отцов, следует сделать принципиальное утверждение: с точки зрения Православной Церкви, Священное Писание характеризуется совершенным единством, целостностью и истинностью. В том, что касается его единства, Православное Предание твердо придерживается того взгляда, что Ветхий Завет – христианская книга в той же мере, что и Новый. Оба завета составляют единое свидетельство о Божественном Логосе, Превечном Слове, которое пришло в мир, чтобы осуществить спасение детей Божиих (см. Ин 1:12-13; 20:31). Более того, свидетельство и боговдохновенность Священного Писания, которые основываются на Нем, рассматриваются как существующие во взаимном дополнении или полноте в той мере, в какой всякое место Священного Писания

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org отражает одну и ту же истину. Это есть основание для того, чтобы любое место могло быть использовано для прояснения других, менее понятных мест. Например, размышление святого апостола Павла об искупительном подвиге Христа в Послании к Римлянам 5:9 – будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева и далее – может служить для прояснения и раскрытия места из 1 Ин 1:7 – Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха. Таинственный образ пророка (дева родит Сына Еммануила, Ис 7:14) может быть понят в свете того места из Евангелия от Матфея, где Дева Мария, понесшая во чреве Превечного Сына Божия, исполняет это пророчество (Мф 1:23).

Всякое место как Ветхого, так и Нового Завета прямо или косвенно свидетельствует о личности или деле Иисуса Христа, который есть Сама Истина воплощенная (Я есмь путь и истина и жизнь, как Он говорит в Евангелии от Иоанна, см. Ин 14:6). Таким образом, библейские писания, несущие единое свидетельство этой Истины, формируют канон – норму, или "правило веры", которое служит необходимым основанием для христианского учения и жизни.

Для Иисуса Христа и Апостолов Священное Писание заключается в еврейской Библии, которую мы называем Ветхим Заветом. Для Отцов Церкви утверждение, что Ветхий Завет есть христианская книга, подтверждается тем фактом, что они рассматривают всякое явление или воззвание Бога в истории Израиля как открытое обращение не Бога Отца, а Бога Сына, второго Лица Пресвятой Троицы. В Псалмах они слышат и голос Бога (например, Пс 21), и голос падшего человечества (Пс 50). Закон Моисея понимается Отцами Церкви как основание для новой веры, данной Христом христианской общине. Христос – это новый Моисей, произносящий великое слово на горе, являющей собой новый Синай. Это новый Закон Царства. Его альтернативы возвещают новые нравственные устои и новую праведность, превосходящую фарисейские; обратим внимание на приводимый у апостола Матфея оборот, который так часто использовал Сам Христос: вам было сказано..., Я же вам говорю... С точки зрения святых Отцов, младенец Еммануил у Исаяи (Ис 7), страждущий слуга у него же (Ис 52–53), юноша, взявший в жены блудницу (Осия)[1], и излияние пророческого Духа у Иоилиа суть прообразы (?????), которые указывают на пришествие во плоти Сына Божия и, будучи понятиями должным образом, раскрывают значение Его Личности и цель Его земной жизни.

Таковы те отношения, которые приводят нас к утверждению, что направленность Ветхого Завета по отношению к Новому есть направленность от обетования к исполнению, от пророческих образов к их осуществлению в Лице Христа. Когда мы перечитываем историю Божественной икономии, развивающейся от акта творения к акту искупления – каковой есть акт нового творения, – тогда Библия в своей полноте предстает перед нами как единое, целостное и истинное свидетельство Пресвятой Троицы, имеющее своей целью жизнь и спасение мира Божия.

Патриотическая традиция, сосредоточенная на единстве обоих Заветов, основана на методах понимания книг Ветхого Завета авторами Нового. Таким образом, герменевтические принципы, или правила толкования, развитые Отцами Церкви, суть расширение и развитие некоторых методов интерпретации, которые использовались Апостолами ради понимания и указания на мессианское значение Закона и Пророков.

Апостольские авторы пытливно всматривались в Священное Писание Ветхого Завета для того, чтобы обнаружить различные пророческие прообразы и символы, которые, как они считали, имеют свое свершение в Личности Христа и в Его служении. Действуя таким образом, они использовали прием, который применял Сам Христос. Иисус вызывал в памяти Своих слушателей некоторые образы и именованья, известные из священных книг еврейского народа, а также из круга апокрифических текстов с тем, чтобы раскрыть смысл Своей жизни и Своего дела. Например, Он использовал именование Сын человеческий. Речь идет в данном случае об одном апокалиптическом образе из книги пророка Даниила и из таких апокрифических книг, как 1 книга Еноха в эфиопском варианте. Сын человеческий обозначает небесное существо, прихода которого ожидали в конце времен, когда оно будет судить живых и мертвых и введет их в Царствие Божие. Лишь начиная со священномученика Игнатия Антиохийского (ум. около 110) имя Сын человеческий начинает обозначать человеческую природу Христа. Однако когда Христос использовал это имя по отношению к Себе, Он придавал ему новый смысл. В то время как арамейское *bar nasha* могло обозначать человеческое существо в обычном смысле, некоторая двусмысленность, свойственная этому выражению, позволяла Иисусу придать ему более широкое и глубокое значение; таким образом оно одновременно вызывало

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org
представление как о Его Божественном происхождении, так и о Его последующих страданиях (Ин 1:51; Мк 9:12).

Для Евангелия от Иоанна характерно, что Иисус именуется также Сыном Отца. Евангелист Марк называет Его Сыном Божиим, используя термин почти мессианский, применявшийся по отношению к царю Израиля, хотя не вполне ясно, использовал ли его Иисус по отношению к Себе. В достаточно прикровенной форме Иисус соотносился со слугой Ягве, ebed Yahweh у пророка Исаяи (Ис 52-53), который должен был пострадать вплоть до смерти, приняв на себя грехи избранного народа Израиля. В той же мере, как и страдающий слуга, невинный Иисус должен был быть оправданным Богом (через воскресение) и вознесен в славу (Ис 52:13; 53:10-12; Ин 12:32 - намек на Его вознесение в двойном смысле: вознесение на крест и вознесение в славу Отца). Для того, чтобы раскрыть для Своих современников смысл Своей жизни и смерти через знакомые язык и образы, Иисус применял по отношению к Себе различные мессианские образы и именованья, которые были хорошо известны из Ветхого Завета и апокрифических книг. Кроме того, Он говорил прямо, что эти образы и именованья находят свое окончательное исполнение в Его собственной жизни и деле спасения.

Таким же образом авторы книг Нового Завета применяли к Иисусу другие образы и именованья из Ветхого Завета. Уже в полумонашеском сообществе в Кумране, по меньшей мере за сто лет до Рождения Христа, загадочная фигура Мелхиседека (Быт 14) понималась как образ существа небесного происхождения. Поскольку казалось, что царь Мелхиседек не имеет человеческих предков, он рассматривался как прообраз мессианского царя (Пс 109). Автор Послания к Евреям раскрывает этот образ в Лице Иисуса, Превечного Сына Божия, который есть священник во век по чину Мелхиседекову (Евр 5:6).

Другие авторы Нового Завета употребляли по отношению к Христу образы и именованья из Ветхого Завета и раннего иудаизма. Всякий раз их целью было подтверждение, что лишь Иисус исполнил мессианские пророчества. Апостол Павел, например, видел в Иисусе Христе воплощение Божественной Премудрости. Уже в книге Притч и в книге Премудрости Соломона образ Премудрости был описан как личностное и предвечное Существо, бывшее вместе с Богом прежде творения мира. Тот же образ, вероятно, вдохновил Евангелиста Иоанна, когда он описывал Иисуса Христа как Логос или Превечное Слово Божие.

Евангелист Матфей представляет Иисуса как исполнение значительного числа ветхозаветных пророчеств. Его рождение от Девы исполняет пророчество Исаяи (Ис 7:14); Его бегство в Египет и возвращение в Галилею подтверждают, что Он создает истинный Израиль. Вместе с другими Евангелистами Матфей видит в страданиях Иисуса исполнение пророчеств, открытых Богом Израилю в течение всей истории избранного народа.

Для апостола Павла Христос появлялся уже в Ветхом Завете; особенно ярко - в образе скалы, ставшей источником питьевой воды для народа Израиля во время его блуждания в пустыне (1 Кор 10:1-4). В Послании к Галатам (Гал 4:21-31) Апостол использует прием, который он называет "аллегорическим", для того, чтобы связать образ Агари с Ветхим Заветом, а образ Сарры - с Новым. (В этом месте апостол Павел на самом деле использует типологический прием, хотя сам он его преподносит как ??????????????).

Типология, тема обетования и его исполнения, также как и обращение к древним мессианским именованьям, помогали мужам апостольским в провозглашении того, что обетования Бога народу Израиля и всему миру были осуществлены и наполнены более высоким содержанием через искупительную миссию Иисуса из Назарета, Сына Божия, Распятого и Прославленного. Именно они заложили основы для выработки различных подходов и приемов толкования, развитых позже Отцами Церкви, как латинскими, так и греческими.

Следуя по стопам мужей апостольских, богословы более позднего времени продолжали уточнять методы толкования, дающие возможность обнаружить и раскрыть связь между Христом и ветхозаветной традицией. Эти методы рассматривались в некоторых недавних публикациях, и я сейчас не хотел бы обсуждать то, что в них было сказано [2]. Моя нынешняя задача проще: я бы хотел лишь отметить некоторые основные принципы толкования, которые поддерживают и направляют работу Святых Отцов в области изучения Священного Писания.

Каковы же эти различные принципы, или предпосылки для толкования,

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org использовавшиеся для объяснения Священного Писания и изложения христологического смысла Ветхого Завета? Ответом является в меньшей степени перечень упорядоченных правил, нежели принцип духовного созерцания, который был назван ??????. ?????? означает некое духовное видение, или скорее созерцание Истины Божественного откровения, даруемой через Святого Духа как автору апостольского времени, так и будущему его толкователю.

То, как святые Отцы понимали ??????, тесно связано с особым представлением о боговдохновенности. Испушенные библеисты Антиохийской школы толкования Священного Писания IV века полагали, что события Священной истории содержали двойной смысл – буквальный и духовный. Оба смысла в равной мере происходят от Божественного вдохновения, поскольку Дух Божий присутствует и руководит святыми писателями, когда они составляют свои сочинения. Антиохийцы полагали, что буквальный смысл отсылает к основной мысли библейского автора; это – то, что является содержанием вести, воспринятой им самим благодаря боговдохновенному действию Святого Духа, которую он пытается передать своим читателям. Духовный смысл в свою очередь отсылает к слову, которое Бог произносит через письменный текст во всякий момент времени, во всяком поколении людей в жизни Церкви. Тем не менее этот духовный смысл для антиохийских Отцов остается прочно укорененным в исторических событиях. Отталкиваясь от буквального смысла, *sensus plenior* [3] служит для возобновления во всякий новый исторический момент искупительного значения подвига Божия, имевшего место в прошлом: в лоне народа Израиля и – в самом высоком смысле – в жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа.

В отличие от Оригена и других александрийских Отцов, антиохийцы в каждом фрагменте Священного Писания видели двойной смысл – буквальный и духовный. Понятие ?????? означает боговдохновенное видение библейского автора, который вводит ее, чтобы освободить свое изложение от присущих ему человеческих особенностей и тем самым выразить буквальный смысл. Кроме того, под ним понимается также боговдохновенное восприятие последующих толкователей, сосредоточивших свое внимание на внутреннем смысле Священного Писания, которое открывает одновременно как буквальный смысл, так и духовный. Благодаря способности к ?????? пророки Израиля могли созерцать Бога, действующего среди исторических персонажей, в современных установлениях или событиях, и подготавливающего таким образом Свой народ к Пришествию Мессии. Авторы Нового Завета могли также видеть в Иисусе из Назарета не только человека, совершающего чудеса и запомнившегося своим распятием, но Сына Божия, Воскресшего и Прославленного.

На основании текста от Иоанна 14-16 и традиции святых Отцов именно Святой Дух соблюдает в глубине церковной жизни подлинность и авторитет Священного Предания, которое обрамляет свидетельство Священного Писания. Священное Предание, как говорил отец Сергей Булгаков и другие, должно быть понято как "живая память Церкви". Эта память помимо Священного Писания, литургии и таинств Церкви возобновляет внутри церковной общины дело спасения, осуществленное Иисусом Христом. С одной стороны, эта живая память возводит нас через письменное свидетельство к событиям жизни Иисуса, Его смерти и воскресения. По выражению датского богослова Серена Киркегора [4], мы становимся таким образом современниками Христа. С другой стороны, через совершение литургии и таинств эта память делает в опыте Церкви прошедшие события настоящими. Распятие Христа становится для нас сегодня настоящим так же, как Его воскресение, прославление и послание Святого Духа в день Пятидесятницы. Именно поэтому Церковь может воскликнуть в великий праздник Пасхи: сегодня мы умерли со Христом и воскресли вместе с ним, чтобы уже здесь и сейчас стать участниками Его будущего Царства:

Вчера спогребохся Тебе, Христе,

Совостваю днесь воскресу Тебе, сраспинахся Тебе вчера,

Сам мя спрослави, Спасе, во Царствии Твоем.

(Пасхальная утренняя, песнь 3)

Открытые или, вернее, интуитивно известные принципы толкования святых Отцов

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org были основаны на том духовном видении или созерцании, которое известно под именем *Уешр1а*. Впоследствии они сформировали важную часть Священного Предания, поскольку также были сформулированы под водительством Духа Истины. Их целью было обеспечить для Церкви точное и компетентное толкование Священного Писания, благодаря которому Святой Дух мог бы вести род христианский к полноте и истине, которая есть Сам Христос (Ин 16:13).

Рискуя упростить достаточно полный предмет, мы можем тем не менее свести наиболее важные приемы и принципы святоотеческой экзегезы к восьми основным пунктам.

1. Выражение Слово Божие понимается сегодня, в особенности в протестантских кругах (как по отношению к Библии, так и в собственном смысле), в частности, как форма проповеди. Но для Отцов Церкви Слово Божие относилось в первую очередь к Превечному слову, к Бого-Человеку воплотившемуся в Иисусе из Назарета и прославленному в Церкви как Один из Святой Троицы. Во-вторых. Слово Божие есть Личность, Второе Лицо Пресвятой Троицы, которое сообщило свое Откровение миру вначале через текст Священного Писания. Выражение Слово Божие относится к трем различным и при этом глубоко взаимосвязанным понятиям: к Личности Божественного Логоса, к письменному свидетельству Апостолов о Нем и к проповеди о Нем как призыву к вере и к жизни в Нем.

2. Слово Божие во всех своих значениях может быть понято и истолковано лишь в свете тринитарного богословия. Отец, Сын и Святой Дух обладают общей волей и общим действием, которое проникает и истолковывает Священное Писание так же, как это было при творении и искуплении мира. Согласно свидетельству святых Апостолов, Дух Святой указывает на Иисуса Христа как на источник истины и вечной жизни. Поскольку Божественное всемогущество пронизывает Церковь и вдохновляет церковную проповедь в мире, Святой Дух руководит нами к вере в Сына Божия, Сын же в свою очередь вводит нас в пре-вечное общение с Богом Отцом. Более того, здесь обнаруживается встречное движение со стороны Бога: ведь Сын умолил Отца послать Святого Духа верным в постоянном излиянии длящейся Пятидесятницы, чтобы укрепить их, просветить и освятить. Откровение происходит от Отца через Сына, становясь осознанным в Святом Духе, в то время как наш ответ, основанный на вере, происходит в Святом Духе и от Него, через Сына к Отцу. Евангельская весть становится силой Божией ко спасению (см. Рим 1:16) только через икономию, исполняющуюся в Сыне и Святом Духе, которых святитель Ириней Лионский описал как две руки Отца.

3. Это означает, что Слово Божие как Священное Писание или проповедь (равно как и Сам воплотившийся Логос) должно быть понято как Богочеловеческая реальность. Для православного сознания Священное Писание есть Слово Бога, направленное к Его человеческим созданиям, а не всего лишь человеческие слова, сказанные о Боге. Однако это Слово совершается через синергию, или соработничество между Богом и людьми. Бог не диктовал слова Священного Писания, Он вдохновил ограниченные и несовершенные человеческие существа на составление Писания. Как автор апостольского времени, так и более поздний толкователь под водительством Святого Духа говорит внутри своего исторического, культурного и языкового контекста. Таким образом, Священное Писание отражает человеческий аспект с точки зрения различных изложений каждого из четырех Евангелий с неустранимыми расхождениями в хронологии некоторых событий (например, в том, что касается установления точного времени Тайной вечери или изгнания торговцев из храма). Кроме того, имеется по крайней мере одно установление, отвергнутое в последующей церковной жизни. Речь идет о том утверждении в Послании к Евреям (Евр 6:4-6), где говорится, что грехи, совершенные после принятия крещения, не простятся.

Этот человеческий элемент Священного Писания ясно показывает, что Слово Божие должно быть истолковано всякий раз заново каждым новым поколением в жизни Церкви. Это не означает, что Благовестие Священного Писания подлежит изменению; это означает, что Святой Дух просвещает всякое новое поколение христиан на языке и в обстоятельствах его времени, чтобы направлять их к полноте истины. Так, православные христиане молятся перед чтением Святого Евангелия за Божественной литургией: Возсияй в сердцах наших, Человеколюбие Владыко, Твоего богоразумия нетленный свет, и мысленных наша отверзи очи во евангельских Твоих проповеданий разумение. Слова библейского текста часто бывают темными и не вполне ясными для понимания, однако они содержат полноту истины. В этом и заключается деятельность Святого Духа совместно с авторами Писания и его позднейшими церковными толкователями: выявить эту

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org
истину и сделать ее доступной для всех во всякий момент человеческой истории.

4. Церковь – наиболее подходящее место как для толкования, так и для проповеди и богослужебного прославления Слова Божия. Экзегеза есть одно из проявлений деятельности общины верующих в ее служении и ее свидетельстве. Когда отдельные исследователи Священного Писания занимаются его толкованием, они утрачивают возможность обращаться к тем авторитетам, что находятся вне Церкви и вне Священного Предания, однако это не означает, что выводы, к которым приходит экзегет, уже предопределены догматическим учением Церкви. В конце концов это учение также является результатом святоотеческой экзегезы. Однако православные толкователи принимали как необходимую составляющую их проповеди подчинение их размышлений сознанию Церкви (???????? ??????????). Это предполагает, что толкователи соотносят свое понимание Писания с вероучительным и нравственным учением Священного Предания и рассматривают свою деятельность как некое служение (?????????), осуществляемое в интересах Церкви и ее вселенской задачи.

Разумеется, этот принцип был более очевиден для Отцов Церкви, нежели для большинства современных экзегетов. Язык как богословия, так и богослужения не прекращает своего постоянного расширения и развития. Новые открытия в области текстологии, археологии и других исторических наук постоянно ставят под вопрос те или иные выводы предшествующих поколений. При этом необходимо принимать во внимание, что эти открытия вплоть до сего дня не вносили никакого разрушительного элемента в отношении тех или иных ключевых моментов христианского вероучения. Социологические исследования жизни в Палестине первого века могут привести некоторых толкователей к той мысли, что Христос был всего лишь странствующим пророком. Современная эмбриология может предоставить кому-нибудь неопровержимые доказательства против возможности девственного рождения (можно в свою очередь задать вопросом, – откуда взялись тогда другие 23 хромосомы?). Сопоставление Посланий апостола Павла с другими Евангельскими текстами могут привести к заключению, что именно Павел, а не Иисус есть истинный основатель христианской религии. Однако научная честность требует от нас признания, что выводы, основанные на такого рода исследованиях, являются субъективными [5]. Они происходят от озарений веры (букв, 'прыжок веры' – Пер.) – или неверия – в той мере, в которой выводы перестают быть ингерентными (внутренне присущими – Ред.) самим открытиям, но становятся рассудочными конструкциями, основанными на этих открытиях.

Естественные науки, точно так же, как всякий другой вид деятельности (искусство, музыка или богословие), действуют в какой-либо ограниченной области имманентной человеку действительности. Поэтому никогда нельзя ни чего-либо утверждать, ни что-либо отрицать в отношении трансцендентной действительности даже в том случае, когда она вступает в контакт с физическим миром. Библейские образы, будь то образы бесов или ангелов, остаются недоступными для научного исследования хотя бы потому, что научные средства не приспособлены для изучения их существования или действия, осуществляемого ими. То же самое можно сказать и по поводу присутствия или действия Бога в мире и в человеческом опыте. Те средства, которыми располагает экзегетика, уже не являются уместными для того, чтобы определять истинность или ошибочность мест Священного Писания, имеющих отношение к Личности Иисуса, – к Его Божественному происхождению, значению Искупытельной Жертвы, Воскресения и так далее. Экзегеза может лишь помочь нам лучше понять буквальный смысл текста, усвоить понимание самим автором как своего опыта, так и той традиции, которую он воспринял. Однако в любом случае она не может ни подтвердить, ни опровергнуть библейского свидетельства. Не в ее силах судить со всей определенностью о его утверждениях; их приятие зависит от веры, каковая по определению не подлежит научному доказательству.

Именно поэтому (православный) толкователь завершит свою работу внутри своей науки и подчинит ее результаты духу Церкви, иными словами – Священному Преданию. Мы именно потому придерживаемся Священного Предания как правила веры, что оно является ключом для лучшего постижения той реальности, к которой эмпирические науки оказываются неприспособленными. Для того, чтобы осуществить дальнейшее продвижение, необходимо пережить новое озарение веры и убедиться, что наша экзегетическая деятельность так же, как всякое достоверное Евангельское истолкование, руководится и вдохновляется Духом истины.

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org

5. Если экзегет призывается подчиниться в конечном итоге духу Церкви, то это происходит по той причине, что существует устойчивая связь между Писанием и Преданием, каковые не должны быть поняты ни как возмещающие друг другу недостающее, ни как взаимодополняющие, ни как противоречащие друг другу авторитетные источники. Православие отвергает представление о самодостаточности книг Священного Писания (?????????), нашедшей свое выражение в положении *solā scriptura* [6], точно так же, как всецело принимает канонический, или нормативный характер Священного Писания для того, чтобы обозначить основные вопросы веры и жизни.

С другой стороны, оно признает, что Священное Писание есть произведение или плод Священного Предания. Библейское свидетельство обладает каноническим или законным авторитетом лишь в той мере, в которой оно воспринимает апостольское благовестие, верно истолковывает его и передает ради того, чтобы другие могли уверовать. Наиболее ясный и поразительный пример этого предоставляет апостол Павел в Первом послании к Коринфянам (1 Кор 15:1-11). Он, наименьший из Апостолов, принял и передал через свое учение свидетельство о том, что Христос умер за грехи наши, по Писанию. На основании этого утверждения, надежно и верно отражающего принятое благовестие, коринфяне были приведены к вере в Евангельское свидетельство о воскресшем Христе. Примечательно устойчивое близкое употребление четырех принципиальных слов: Я преподал то, что принял <...> мы проповедуем, а вы уверовали. Именно это направление формирует живое предание. Священное Предание не есть лишь совокупность сведений, переданных от одного другому; оно всегда предполагает истолкование в виде текстуального анализа (экзегезы) и проповеди. Апостол Павел принял Евангельское благовестие, в которое он уверовал ради собственного спасения. Однако при этом он его истолковывал и передавал в новом виде согласно частным потребностям и способности своих слушателей к восприятию. Глаголы передавать (?????????) и проповедовать (?????????) обозначают те действия, которые преобразуют Священное Предание из совокупности исторических свидетельств в живое Слово, пробуждающее веру, ведущую ко спасению.

Священное Писание и Священное Предание находятся в отношениях взаимодополнения. Священное Предание – это лоно, в котором рождается и формируется Священное Писание. Священное Писание – это совокупность правил, или канон, в соответствии с которым мы определяем всякую подлинную традицию. Оно предполагает некий круг истолкования, возникающий в результате взаимодействия между апостольским свидетельством и его восприятием, появившимся до, во время и после составления книг Священного Писания и их распространения, а также формирования канона. (Необходимо вспомнить о том, что первый полный список 27 канонических книг Нового Завета был составлен святителем Афанасием Александрийским в его Пасхальном Послании 367 г. Кроме того, на территориях, где был распространен сирийский язык, Послания Иакова, Третье послание апостола Иоанна и Послание Иуды были признаны как канонические только в V веке, а Апокалипсис – в XI.) Таким образом, задача экзегета – не разорвать этот круг истолкования, но наоборот, всячески его укрепить с тем, чтобы сохранить важнейшую взаимозависимость между Священным Писанием и Преданием, между Словом Божиим и его истолкованием.

6. Ветхий и Новый Завет представляют единое свидетельство истории спасения. Отношение между двумя Заветами суть отношение обетования и свершения. Между ними существует тесное и органичное единство, так что действующие лица и события Нового Завета имеют своими прообразами действующие лица и события Ветхого Завета, а те, в свою очередь, обретают подлинный смысл в тех, кого они прообразуют в Новом Завете. Это отношение обетования и исполнения точнее выражается как движение от образа к его отображаемому или, вернее, от образа к первообразу. Православный экзегет так же, как это делали сами Отцы Церкви, пользуется системой образов для того, чтобы толковать Ветхий Завет в свете воплощения Христа.

Антиохийские экзегеты, и в частности Диодор Тарсийский, всегда упорно настаивали на синхронности, определяющей характер образной системы. Это означает, что будущее отображение уже в определенной мере представлено в пророческом образе; образ содержит отображение. Окончательное исполнение уже изначально присутствует или содержится в исходном символе [7]. Так, Моисей есть образ Христа, равно как иудейский храм – образ Церкви. Поэтому непосредственное воздействие и намерение Бога, заключенное в исторической личности Моисея и жертвоприношениях, совершавшихся в иерусалимском храме, делают из этих образов больше чем простые знаки потому, что указывают на их

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org
будущее свершение. Превечный Сын Божий действительно "присутствует" в личности Моисея так же, как вечная и вселенская Церковь присутствует в образе храма благодаря подлинному предвосхищению. Наиболее ясный пример этого дается в 1Кор10:1-4, где апостол Павел раскрывает образ скалы, утолявшей жажду израильтян во время их путешествия по пустыне. Скала была постоянным источником воды живой для народа Божиего. Именно поэтому апостол Павел делает такое поразительное утверждение: камень же был Христос! Иными словами, Христос, Превечный Сын Божий присутствовал и действовал в жизни Своего народа прежде его прихода в Землю обетованную. Здесь присутствует определенное взаимоотношение между скалой и Христом, образом и прообразом. Скала, источник живительной воды, символизирует Христа, источника воды живой (ср. Ин 4:10), проистекающей в жизнь вечную. Символ присутствует в своем окончательном осуществлении так же, как осуществление предрекается уже в самом символе.

В этом смысле можно сказать, что типологические отношения должны быть поняты скорее в своей синхронности, чем в последовательности. Существует тесное соответствие, действительное совпадение во времени между образом скалы и Христом, между образом и прообразом. Именно поэтому апостол может воспринять присутствие и действие Христа, имеющие произойти, уже в образе скалы в Ветхом Завете и тем самым оказывается возможным со всей уверенностью утверждать: "скала есть Сам Христос!".

Конечно, типология – это старый метод; многие ученые библеисты отвергают его как анахронизм прошлого, "до-критического" периода. Очевидно, что типология должна быть поддержана другими методами, в том числе историческими, археологическими и лингвистическими, текстологии и прочее. Тем не менее типология как особый вид самого общего подхода к тексту Священного Писания продолжает оставаться существенным элементом в общей задаче по рассмотрению замысла о деятельности Бога в истории и связи двух Заветов: Бога с Израилем и Христа с Церковью.

7. Другой принцип, которым пользовались святые Отцы, напрямую унаследован от иудейских раввинов. Он был известен Христу и использовался Им как основной инструмент в Его толковании Священного Писания. Этот принцип ныне известен под названием экзегетическая взаимность. Под этим мы понимаем, что все Священное Писание является боговдохновенным единообразно и насквозь в том смысле, как мы говорили об этом выше. Иисус может тем самым применять по отношению к Себе различные мессианские именованья Ветхого Завета. И потому Он может опровергнуть рассуждение фарисеев посредством аргумента, основанного на Псалме 109, в котором говорится, что подлинный Мессия есть Господь и в первую очередь Сын Божий, а не просто сын Давидов (Мф 22:41-46). Другим примером могла бы быть 12 глава Апокалипсиса, в которой описывается некая жена, облаченная в солнечные одежды, несущая сына, существованию которого угрожает змий с семью головами и с десятью рогами. Современная критика склонна видеть в этой жене образ Церкви, а в драконе образ Рима с его семью холмами, который преследовал Церковь. Отталкиваясь от мест, называемых "протоевангелием", в тексте Быт 3:15, святые Отцы в свою очередь видели в этой жене скорее образ Девы Марии, дарующей рождение Мессии, тогда как змий был образом сатаны, преследующем и Христа, и Церковь.

Принимая во внимание то, что все Священное Писание в равной мере боговдохновенно и что все в нем указывает на Христа, не важно, какое именно место может истолковываться таким образом, чтобы выявить свое мессианское значение. Более того, всякое неясное место может быть прояснено через другое, более прозрачное место. Именно это называется "взаимностью" утверждений Библии, которая не обязана принимать во внимание ни автора этих утверждений, ни исходный или буквальный смысл, которые они могут иметь.

8. Наконец, нам остается рассмотреть основное и существенное направление, которое ведет от буквального смысла к смыслу духовному, или *sensus plenior*. Это нас приводит к теме ??????, или созерцательного видения истины и Божественной действительности, которая сообщается через боговдохновенное действие Святого Духа. Согласно опыту Отцов Церкви, Бог открывается не посредством рассудочного анализа священных текстов, но через молитву, которая исходит из глубины сердца. Молитва – это плод Святого Духа, обитающего в храме нашего сердца, – того сердца, которое библейская традиция рассматривает как источник мысли и чувств. Таким образом, молитва есть Божественное действие, деяние Бога внутри нас самих. Во время молитвы Бог говорит с Богом: Святой Дух обращается к Отцу, чтобы со всей силой и

Православие и Библия сегодня. Иоанн Брек filosoff.org
весомостью показать наше ходатайство, нашу мольбу и наше славословие.
Молиться в духе и истине (Ин 4:23) означает молить Отца при посредстве Святого Духа, через Того, Кто есть Истина - через Иисуса Христа, Превечного Сына Божия.

То же самое можно сказать об истолковании Библии. Оно также требует совместной работы (синергии) между нами и Божественной Троицей. И наконец, оно есть также результат действия Святого Духа, обитающего в нас. Перефразируя слова апостола Павла, можно было бы сказать: мы не знаем, как должны читать Священное Писание (ср. Рим 8:26). Это означает, что в нашем падшем и греховном состоянии мы имеем возможностью посредством разума прийти к буквальному пониманию текста в том изначальном смысле, который он имел для автора и его первоначальных читателей, однако работа, которая сегодня для нас состоит в том, чтобы перевести это благовестие о Слове Божиим, осуществляется благодаря Самому Богу.

В Лице Святого Духа Бог присутствует в душе и сердце человека так же, как Он присутствует во вселенской общности Церкви. Он обращается к тем, кто готов Его услышать, как прежде Он обращался к пророкам. Как некогда пророки, мы "слышим" это слово, принимаем в самих себя и размышляем над ним, чтобы устранить из него то свойственное для нашего сознания значение, которое кажется для нас важным сегодня, в данных обстоятельствах. Затем мы доносим эти слова до других в виде либо проповеди, либо размышления, либо библейского толкования. Всякий способен понять буквальный смысл какого-либо текста, если он владеет соответствующим литературным инструментарием и имеет соответствующую практику, но долгий путь от буквального смысла к *sensus plenior*, или смыслу духовному, предполагает, что мы в подвиге полной покорности Богу и аскетического напряжения подчиняемся непосредственному воздействию Духа истины. Святитель Иоанн Златоуст и другие Отцы Церкви утверждали, что никто не может верно понять текст Священного Писания, если не подчинится благой воле Святого Духа. Мы не можем познать Истину, если не смирим себя и не откроем себя ее могуществу, красоте и величию. Единственное средство познания истины заключается в ее поиске, любви к ней и жизни, сколь возможно полной и верной, в согласии с ней.

Последний принцип толкования, принятый святыми Отцами, сводится к необходимости аскетического усилия, непрерывной внутренней работы для того, чтобы стяжать дух покаяния и смиренного послушания Богу. Это необходимо для того, чтобы суметь услышать Слово Божие и обрести способность Его полноценного и надлежащего толкования. Для тех, кто вступил на этот путь, кто совершенно сознательно начал эту духовную битву, непростая задача толкования и проповеди Слова Божия может оказаться делом любви и служением славословия.

Эти различные принципы и направления в истолковании Священного текста, принятые авторами патристического периода, подводят к одному важному выводу. Для того, чтобы вновь обнаружить то богатство и авторитет, которые Святые Отцы придавали библейскому толкованию, оно должно однажды вновь занять свойственное ему место в качестве одного из направлений литургической жизни Церкви. Однако для того, чтобы это стало возможным, те, кто занимается толкованием Священного Писания - будь то простые верующие (миряне), священники или профессиональные экзегеты - должны усвоить в той же мере, что и сами Отцы Церкви, глубокое сознание значимости своей деятельности как одного из видов служения в Церкви. Ведь конечная цель толкования Священного Писания заключается в служении, - как в священнодействии в честь и славу Божию, так и в верном свидетельстве о самооткровении Бога, осуществленного во имя спасения Его народа.

Примечания

1. Ср. Ос 1:2; 3:1.

2. См., в частности: de Margerie B. Introduction a l'histoire de l'exegese. Vol. 1. Les Peres grecs et orientaux. Paris, 1980; Breck J. The Power of the word. Crest-wood, N. Y. St. Vladimir's Seminary Press, 1986 (франц. перевод: La Puissance de la Parole. Paris, 1996); Simonetti M. Biblical Interpretation in the Early Church. London, 1994.

3. Более полное понимание (лат.) - Пер.

4. Kierkegaard S. Philosophical Fragments // Kierkegaard's Writings. vol. VII. Princeton, 1998.

5. Заметим, что словосочетание современная наука, для многих людей являющееся синонимом высшего авторитета, скрывает в себе указание на собственную слабость, так как сегодняшние научные достижения естественным образом уточняются или даже вовсе опровергаются завтра. - Ред.

6. sola scriptura (лат.) - 'только Писание', один из богословских принципов некоторых направлений протестантизма. - Ред.

7. Здесь мы отсылаем читателя к работе: Frances Young. Biblical Exegesis and the Formation of Christian Culture. Cambridge University Press, 1997. Ch. 7-8. См. также изложение этой работы и других, сделанное Ксенией Вернер в ее неизданной докторской диссертации: Werner Xenia. Marian Typology. An Analysis of Hymnography and Iconography (St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary, mai 1999), в особенности первая часть.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!